

УДК 929/93:001

ВЕДЕНЕЕВ

Дмитрий Валерьевич,

доктор исторических наук, профессор,
заведующий сектором научной
библиографии и биографистики
ННСХБ НААН
(г. Киев)

**ИНСПИРАТОР ЦЕРКОВНЫХ РАСКОЛОВ
1920-х – НАЧАЛА 1930-х гг. В УКРАИНЕ
(СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ СЕРГЕЯ КАРИНА-ДАНИЛЕНКО)**

В статье на основе документов советских органов государственной безопасности освещаются организация, формы и методы деятельности Государственного политического управления (ГПУ) Украинской ССР, направленной на притеснения и преследование Церкви путем внесения искусственных расколов и нестроений. Исследуется роль в этом процессе руководителя «антирелигиозного» подразделения Секретно-политического управления ГПУ УССР С. Карина-Даниленко.

В статті на основі документів радянських органів державної безпеки висвітлюються організація, форми і методи діяльності Державного політичного управління (ДПУ) Української РСР, спрямовані на утиски й переслідування Церкви шляхом внесення штучних розколів й суперечностей. Досліджується роль у цьому процесі керівника «антирелігійного» підрозділу Секретно-політичного управління ДПУ УСРР С. Карина-Даниленка.

The article considers organization, forms and methods of the State Political Administration (SPA) of Ukrainian Socialist Soviet Republic on the basis of documents of the Soviet state security the activities of which was aimed at the harassment and persecution of the Church by creating artificial splits and chaos. The author investigates the role of S. Karin-Danylenko as a chief of the "antireligious" secret political department of SPA of Ukrainian Socialist Soviet Republic in this process.

Органы государственной безопасности на протяжении практически всего периода советской истории играли особую, активную и нередко зловещую роль в церковно-государственных отношениях. В определенные периоды именно профильные контрразведывательные подразделения ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ выступали ведущим инструментом либо подавления религиозной жизни, незаконных репрессий по отношению к «служителям культа» и верующим

различных конфессий, либо жесткого контроля со стороны государства и активного вмешательства в жизнедеятельность религиозной сферы советского общества.

В связи с этим обоснованной представляется *постановка проблемы* углубленного изучения форм и методов деятельности, кадрового потенциала советских спецслужб как одного из основных инструментов государственно-церковных отношений и незаконных репрессий против религиозных конфессий в СССР.

Говоря о *состоянии исследований и публикаций* по тематическому профилю данной статьи, отметим, что на сегодняшний день, наряду с масштабной работой, проведенной отечественными исследователями по изучению репрессивной политики советской власти и правящей коммунистической партии, малоизученным аспектом проблемы деятельности спецслужб СССР в области церковно-государственных отношений является, на наш взгляд, собственно оперативная (контрразведывательная, оперативно-розыскная, информационно-аналитическая) деятельность органов госбезопасности в конфессиональной среде.

Что же касается личности и служебной деятельности С.Т. Карина-Даниленко, то тут приходится констатировать отсутствие посвященных ему биографических исследований.

Исходя из изложенного, автор определяет *целью статьи* исследование биографических и служебно-карьерных особенностей ответственного сотрудника «антирелигиозного» подразделения как своеобразного индикатора устремлений советского государства по отношению к религиозной среде Украины 1920–1930-х гг. на примере руководителя профильного подразделения ОГПУ в Советской Украине (УССР) С. Карин-Даниленко (1898–1985 гг.). Статья основана на ранее не исследованных материалах его личного дела офицера, архивных документах органов госбезопасности та и ЦК КП (б) Украины.

Сергей Карин (приставка «Даниленко» добавлена со временем из оперативных соображений) родился в 1898 г. в селе Высокие Байраки Херсонской губернии (современная Кировоградская область). Как свидетельствуют материалы спецпроверки, отец чекиста был кулаком, имел до 70 десятин земли, конную молотилку, веялку, плуг, нанимал батраков и перепродавал скот. Позднее, сообщали односельчане С. Карину – его родители умерли от голода в 1933 г., в то время, когда сын преданно служил в советской внешней разведке [1, т.1, л. 38; т. 3, л. 30].

Примечательно, что будущий борец с «украинским буржуазным национализмом» в юности являлся «национально сознательным» украинцем. Обучаясь в 1911–1919 гг. в Елисаветградском коммерческом училище, говорится в документах, «принимал участие в украинском нелегальном кружке шовинистического направления». «Был безусловно заражен шовинизмом ради спасения «неньки Украины» – каялся Сергей Тарасович в автобиографии от 14 сентября 1923 г. При проверках 1939 и 1944 гг. односельчане Карина показали, что тот «высказывался националистически». Прекрасно владел украинским языком (что в немалой степени помогало ему в агентурно-вербовочной работе), и в период украинизации даже входил в комиссию по «испытанию знания украинского языка» сотрудниками ГПУ УССР [1, т. 3, л. 25].

Осенью 1920 г. по ложному доносу С.Карина арестовала Елисаветградская уездная ЧК. Видимо, в это время юноша и согласился стать секретным сотрудником (агентом по современным понятиям). Уже с первых шагов в контрразведке (1921 г.) он проявил способности к перевоплощению, ролевой игре, внедряясь и «подводя под ликвидацию» (под легендой «участника повстанческого движения» против Советов) в подпольные украинские антисоветские формирования, Повстанческо-партизанский штаб атамана Ю.Тютюнника при Генштабе армии Украинской Народной Республики в эмиграции. Наградой разведчику стали золотые часы и перевод в центральный аппарат Всеукраинской ЧК как «оказавшего большие услуги

секретного сотрудника» [2, 34–55]. Кадровым сотрудником советской спецслужбы С. Карин-Даниленко числился с 14 августа 1922 г., заняв должность (до 1927 г.) уполномоченного Секретного отдела (СО) Секретно-оперативной части (СОЧ) Главного политического управления (ГПУ) УССР.

Особую роль в становлении Сергея Тарасовича как сотрудника спецслужбы, сыграл Валерий Горожанин (до мая 1930 г. – начальник Секретно-оперативной части ГПУ УССР), занимавшийся оперативной разработкой политических и общественных организаций, интеллигенции, «церковной контрреволюции» [о руководящих кадрах секретно-политического подразделения ГПУ УССР см.: 3; 4].

Приход С.Карина в органы ЧК-ГПУ хронологически совпал с развертыванием системных гонений на Церковь. После Гражданской войны преследования приняли целенаправленный характер государственной политики – РПЦ считалась «контрреволюционной силой», важнейшим политическим и идеологическим конкурентом, подлежала постепенной ликвидации с применением организационных мероприятий по отделению Церкви от государства, физических репрессий, мощной пропагандистской дискредитации, подрывных агентурно-оперативных мероприятий спецслужбы (ВЧК-ОГПУ). Уже в декабре 1920 года Ф. Дзержинский писал создателю Всеукраинской ЧК Мартину Лацису: «Церковь разваливается, этому надо помочь, но никоим образом не возрождать в обновленной форме. Церковную политику развала должна вести ВЧК, а не кто-либо другой. Лавировать может только ВЧК для единственной цели – разложения попов» [5].

Борьбу с Православием официально отнесли к приоритетным задачам органов госбезопасности. Как наставлял ЦК КП(б)У, органы ГПУ обязаны были «обеспечить полное информирование обо всем, что происходит в среде духовенства, верующих», вести пропагандистскую работу, запугивать духовенство [6, д. 995, л. 1].

Один из циркуляров спецслужбы цинично рекомендовал стравливать между собой «разные направления, течения, секты, церкви, верования»,

добиваться взаимной борьбы и дискредитации в стане Православия, «чтобы враги топили друг друга» [6, д. 748, л.61].

Что же касается Украины, то к середине 1920-х гг. в Советской Украине действовали свыше 30 религиозных конфессий и течений. Среди них выделялись:

- **каноническая Российская Православная Церковь**, Поместный Собор которой 29 мая 1918 года даровал автономный статус Украинской Православной Церкви при сохранении ею юрисдикционной связи с Российской Матерью-Церковью. В 1925 г. РПЦ имела в Украине 6453 приходов и 4819627 верующих [6, д. 2318, л. 21; д. 2006, л. 83].

- **обновленческая («живая») церковь**, возникшая в 1922 г. в результате раскола РПЦ и при активном содействии органов госбезопасности. Созданный в мае 1925 г. Синод обновленцев в Украине ежемесячно получал от ГПУ 400 рублей. Обновленчество, по замыслу чекистов, позволяло оттягивать на борьбу с ним силы как РПЦ, так и Украинской автокефальной церкви. Помощь властей к 1925 году позволила обновленцам иметь в УССР 1497 приходов и 921 тыс. верных [6, д. 2318, л. 4; д. 2006, л. 83]. В этих условиях лично С. Карин, отмечалось в документах, «провел очень сложную и тонкую работу по укреплению обновленчества на Украине» [1, т. 1, л. 23];

- **Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ)**, оформившаяся в октябре 1921 года на Первом Всеукраинском Православном Соборе УАПЦ. Представляла собой проявление ереси филетеизма (осужденную в 1871 г.), ставившую в церковной жизни политические, национальные и иные мирские мотивы выше канонической жизни Церкви по апостольской традиции. Брала начало от Всеукраинской Православной Церковной Рады (ВПЦР) 1917–1919 гг., координационного органа автокефального движения, который возглавляли М.Мороз и его заместитель, протоиерей Василий Липковский. Иерархи РПЦ дважды запрещали В.Липковского в служении. Епископат УАПЦ, рукоположенный из белого духовенства, и рукоположенные ими безблагодатные иереи, получили в народе название «самосвятов».

Деятели автокефалии публично всячески подчеркивали свое «революционное родство» с советской властью, прямо призывая к расправе с канонической церковью и монашеством: «В связи с тем, что все монастыри на Украине пребывают в руках слуг старого режима и, как гнезда контрреволюции, вредят делу духовного развития украинской людности и возрождению ее Церкви, просить Всеукраинскую Православную Церковную Раду принять все меры перед Советской властью о передаче всех монастырей и принадлежащего им имущества в распоряжение Всеукраинской Православной Церковной Рады как народного церковно-революционного органа» [8].

По сути, это был и политический вызов режиму – среди клира и активистов УАПЦ велика была прослойка активных участников Украинской революции и государственности 1917–1921 гг. Уже в конце 1924 г. глава ГПУ УССР В. Балицкий отдал распоряжение «очистить липковские ряды от враждебного Советской власти элемента». 25 февраля 1926 г. Политбюро ЦК КП (б) У на закрытом заседании одобрило решение о репрессиях против активистов УАПЦ. По данным ГПУ УССР, 214 священников УАПЦ являлись в прошлом военнослужащими армии УНР, 55 – членами украинских национальных партий, 46 – бывшими царскими офицерами, 22 – белогвардейцами, 17 – жандармами и полицейскими. К февралю 1926 г., по мнению ГПУ, до 60 % клира УАПЦ (331 человек) находились на «враждебных позициях», а 70% приходило в политическую агитацию [9, д. 2; 10].

В 1925 г. в УССР насчитывалось 989 приходов УАПЦ (680 тыс. прихожан). После отстранения (по указания ГПУ и через ее агентуру в УАПЦ) В.Липковского и его сторонников от руководства УАПЦ на ее II-м Всеукраинском Церковном Соборе в октябре 1927 г., верхушка автокефалов стала полностью подконтрольна чекистам, УАПЦ объединилась с собственными же раскольниками из ДХЦ (см. ниже). 29-30 января 1930 г. 40 «епископов» на Чрезвычайном съезде объявили о роспуске УАПЦ за «контрреволюционную деятельность», объявив В. Липковского «иудохристородавцем» [о судьбе УАПЦ см. также: 11; 12];

• **Соборно-Епископская церковь** митрополита Феофила (Булдовского), (1925–1936 гг.), возникшая также при вмешательстве органов ГПУ путем отделения от канонической РПЦ («лубенский раскол»). К июню 1925 г. С.Карин подготовил трех епископов («инициативную группу»), созвавших «собор» в Лубнах (в нем приняли участие лишь 5 из 27 архиереев РПЦ в Украине) [6, д. 2318, л. 2]. Раскольнические действия епископа Феофила вызвали резкую отповедь со стороны Священноначалия. Экзарх Украины митрополит Михаил (Ермаков) созвал собор архиереев для суда над Феофилом (Булдовским), который, однако, отказался явиться на его заседания. Суд, в котором приняли участие 13 епископов, проходил заочно в декабре 1924 г. Булдовский и другие деятели «Лубенского раскола» 25 декабря 1924 г. были извержены из сана и отлучены от Церкви. Тем не менее, Феофил (Булдовский) и его единомышленники не вняли призыву архиерейского суда и продолжали свою антицерковную деятельность, а Феофил самочинно объявил себя «митрополитом».

К 1922 году украинские чекисты доложили в ЦК КП (б) У о «полном успехе» проведенной работы по расколу Православной Церкви, что приближало конечную цель – «окончательное разложение духовенства и полный раскол церкви» [9, д. 1450, л. 1]. Перед 3-й группой Секретного отдела СОЧ ГПУ УССР, где стал служить С. Карин, стояла задача (как говорится в материалах личного дела), «борьбы с контрреволюционными проявлениями в религиозных группировках». Участок называли весьма сложным, т.к. репрессивные методы к клиру применялись (пока еще) «с соблюдением максимальной осторожности» во исполнение «ответственной партийной директивы». Перед ГПУ ставилась «задача негласного (т.е. агентурного – *Авт.*) захвата в свои руки религиозных объединений. Работа этих организаций находится под нашим плотным (но негласным) влиянием».

Главным же инструментом спецслужб стало инспирирование многочисленных церковных расколов, нестроений и простого стравливания иерархов РПЦ, противопоставления канонической РПЦ автокефальной церкви.

Поскольку «тихоновцы» ведут антисоветскую агитацию в «монархическом направлении», обвиняют власть в притеснениях Церкви, подчеркивали чекисты, необходимо основные усилия сосредоточить на разложении РПЦ и УАПЦ и «укрепления за их счет обновленчества» [6, д. 2318, л. 1].

Особой заслугой С.Карина-Даниленко считалось достижения контроля и последующего простимулированного чекистами самороспуска УАПЦ. Сводка ГПУ № 37/47 за время с 11 по 18 сентября 1927 г. отмечала: «...В октябре в г. Киеве должен состояться Всеукраинский Покровский Собор УАПЦ... органами ГПУ поставлена серьезная задача добиться на Покровском съезде переизбрания митрополита, заменив ЛИПКОВСКОГО более приемлемым для нас кандидатом» [13]. «В этой группировке удалось – без применения репрессий – добиться от Собора добровольного удаления всех столпов контрреволюции, в том числе самого Липковского», отмечали впоследствии начальники Карина.

Заметным называли и вклад Карина в «разложение тихоновской церкви» в 1923–1931 гг. Сергей Тарасович, наряду с Председателем ГПУ УССР В.Балицким и В.Горожаниным входил в состав Всеукраинской антирелигиозной комиссии (ВАК). Сотрудничал с НКВД УССР, где работал отдел по отделению церкви от государства, эксперты которого составляли доносы в ГПУ, приобщавшиеся затем к уголовным делам на активных функционеров УАПЦ [14].

Продолжалась и агентурная работа против УАПЦ, наиболее «антисоветски настроенные» ее адепты высылались за пределы Украины. Нередко санкции по отношению к верхушке автокефалистов принимались совместными решениями ВАК при ЦК КП(б)У. С.Карин принимал непосредственное участие в оперативной разработке автокефалов, включая и пребывание их в местах предварительного заключения (ДОПРах).

Постепенно сформировался комплекс оперативных методов, применявшийся органами ГПУ для разложения церковной организации:

– использование самого духовенства для постановки под контроль управления церковной жизнью (в т.ч. – через вербовку и негласное сотрудничество) под угрозой преследований и репрессий,

– учет и оперативное использование особенностей характера отдельных епископов и иереев, разногласий в церковной среде, гордыни (через поощрения материального и карьерного характера);

– постановка в материальную зависимость (как отмечали чекистские документы, «надеяться на доброжелательное отношение к Советской власти нельзя»), поэтому священников надлежит связывать деньгами и другой заинтересованностью – «будет вечный раб ЧК»;

– запугивание слабохарактерных лагерями и тюрьмами.

Агентурно-оперативная работа получила весьма высокую оценку в служебных аттестациях. Так, 1 января 1926 г. В.Горожанин следующим образом аттестовал подчиненного: «...Уполномоченный группы по духовенству... Из очень немногих работников-чекистов, специалистов по духовным делам, по-видимому, самый лучший. Незаменимые его качества – умение разговаривать с попами и способность к вербовке... Незаменимый специалист в порученной ему области. Горизонт в работе большой и глубокий» [1, т. 1, л. 23–24]. В характеристике за 1929–1930 гг. указывалось, что Карин «имеет большие заслуги по борьбе с церковной контрреволюцией на Украине». «В работе тов. Карина много образцов агентурного совершенства. Был случай, когда в Киев съехалось на совещание около 30 епископов, известных своей контрреволюционной деятельностью. В течение нескольких дней епископы были настолько обработаны, что стали беспрекословно выполнять директивы ГПУ» (видимо, речь шла о съезде епископов УАПЦ) [1, т. 1, л. 78 об].

Отметим, что агентурная работа «по церковникам» велась планомерно и с размахом. Судя по смете на первое полугодие 1926 г., в ГПУ по РПЦ и «обновленцам» «работало» по 84 секретных сотрудников («сексотов, т.е. тех, кто негласно принимал участие в активных оперативных мероприятиях и разработках), 66 – по УАПЦ, 36 – по «Собору епископов», 24 – по ДХЦ, 84 –

по протестантским конфессиям. (всего по УСРР – 378 с месячным окладом 20 рублей каждому). На каждый католический костел полагалось по два сексота. Более того, в руководящих звеньях конфессий вербовались платные осведомители. Наибольшую мзду полагалось отколовшимся (по воле ГПУ) от УАПЦ деятелям ДХЦ – «единственный их стимулом могут быть деньги», откровенно отмечала 3-я группа. Всего ГПУ просило выделить по «церковной линии» на указанный период 81540 рублей [6, д. 2318, л. 40–41].

Фамилия «Карин» нередко встречается в воспоминаниях выживших церковных деятелей того времени в контексте плетущихся ГПУ интриг и подготовке очередных нестроений среди епископата. О нем, как о «главном уполномоченном Харьковского ГПУ по религиозным делам», говорили и в связи с инспирацией Соборов УАПЦ. В 1927 г., очевидно – за успехи в сеянии расколов и нестроений в Православии, свертывании автокефального движения, Коллегия ОГПУ СССР наградила Сергея Тарасовича именованным «Маузером», а в 1932 г. – знаком Почетного чекиста. Тогда же он возглавил 3-е отделение (антицерковное) в Секретном отделе СОЧ ГПУ УССР (уже и по должности став «главным религиоведом» ведомства В.Менжинского в Украине).

К началу 1930-х гг. органы госбезопасности в целом посчитали реализованной свою стратегию агентурно-оперативного подрыва (раскола) Православия. Печально сложилась судьба УАПЦ и ее лидеров. На рубеже 1920/1930-х гг. ужесточаются репрессии против ставших политически и оперативно ненужных «самосвятов». По некоторым данным, всего жертвами репрессии стали 34 епископа и до 2000 служителей УАПЦ. 27 ноября 1937 г. после недолгого следствия, на основании «показаний» других лиц, был расстрелян первый «митрополит» УАПЦ В. Липковский [15].

С. Карин-Даниленко в начале 1931 г. смог перейти (вслед за В. Горожанином) во внешнюю разведку (Иностранный отдел ГПУ УССР). В 1931–1933 гг. работал в Праге, помощником резидента по «разработке украинской контрреволюционной эмиграции». Будучи помощником начальника Иностранного отдела НКВД УССР, принял участие в операции

«Академия», закончившейся нейтрализацией двух террористов Российского общевойскового союза, прибывших в СССР для организации покушения против «вождей партии и советского правительства» [1, т. 1, л. 16, 25].

В 1937 г. С. Карин («задвинутый» начальником Управления пожарной охраны НКВД УССР) был арестован. Выдержал 26 месяцев допросов в Лефортово и Бутырках, никого не оговорил и своей вины не признал, хотя следователи и «били до состояния куска мяса» [1, т. 1, л. 40]. Был уволен из органов по инвалидности, однако в 1941 г. добровольцем вызвался участвовать в зафронтной работе, занимался организацией партизанских отрядов и диверсионных групп, награждался орденом «Знак Почета» и медалями. Дослужился до заместителя начальника 4-го (зафронтного) Управления НКГБ УССР. Руководил Опергруппой по Западной Украине. Работая в контрразведке под прикрытием должности заместителя представителя в УССР председателя Совета по делам РПЦ при СНК СССР вел переговоры о примирении с военачальниками УПА, получив орден Красной Звезды.

Именно заместитель начальника контрразведки НКГБ УССР полковник С. Карин выступил непосредственным организатором «самоликвидации» Украинской греко-католической церкви. Как отмечал его начальник, шеф 2-го (контрразведывательного) Управления НКГБ УССР П.Медведев, «в 1945–1946 гг. органами НКГБ-МГБ УССР была проведена серьезная работа по ликвидации греко-католической церкви..., являющейся резидентурой Ватикана». При этом С.Карин-Даниленко «разрабатывал планы агентурно-оперативных мероприятий по ликвидации униатской церкви», лично работал с агентурой, вплоть до «проведения собора, организационно оформившего разрыв с Ватиканом...». В 1947 г. заслуженного контрразведчика срочно уволили за отказ перейти на преподавательскую работу в Москву [1, т.1, л.12]. Уже на пенсии выступил автором ряда книг и статей с критикой сотрудничества униатской церкви с Австро-Венгрией и гитлеровскими спецслужбами [16].

Исследование биографии и служебной деятельности С.Т. Карина-Даниленко позволяет сформулировать ряд *выводов*. Думается, что углубленное изучение (на основе документов самих спецслужб) истории церковно-государственных отношений открывает дополнительные возможности для лучшего научного понимания инструментария богоборческой политики властей и особенностей вынужденного реагирования на нее религиозных общин, механизма обеспечения реализации государственных актов в религиозной сфере, исследования репрессивной политики сталинизма как таковой, дальнейшего изучения истории Церкви, религиозной персоналистики, а также истории отечественных спецслужб.

В этом отношении перспективным направлением исследования деятельности советских спецслужб в религиозной сфере представляется изучение служебной биографии руководителей и ведущих сотрудников тех оперативных подразделений «чекистских органов», на которые возлагалась работа «по борьбе с антисоветскими элементами из числа духовенства, церковников и сектантов» (распространенное в свое время определение данного профиля).

Успехи С. Карина-Даниленков в оперативной работе по «церковной линии» были обусловлены сочетанием личных профессиональных и морально-психологических качеств. Современники и коллеги отмечали его эрудицию, работоспособность, артистичность, коммуникабельность, готовность к оперативному риску и творческому подходу, прекрасное знание религиозной среды и ее деятелей, стремление (насколько это позволяли служебные интересы) проявить гуманное отношение к людям (что сказалось и во время послевоенной работы в Западной Украине) [см. например: 17]. Наряду с этим, результативность агентурно-оперативных мероприятий обеспечивалась тем, что за оперработником стояла мощь авторитарного, агрессивно-атеистического государства, применявшего массовые физические репрессии против священнослужителей и «церковников» (твердо верующих мирян), обширные возможности спецслужбы с ее тотальным осведомлением и вездесущим

агентурним апаратом, быстро напливавшею опыт оперативной разработки религиозной среды и управления ею в свете политических директив и идеологической доктрины компартийной верхушки и советской государственности.

Список использованных источников и литературы

1. *Отраслевой* государственный архив (ОГА) Службы безопасности Украины (СБУ), ф. 12, д. 5037.
2. См. подробнее: *Крепкий* «Тютюн» для атамана // Веденеев Д. Украинский фронт в войнах спецслужб : исторические очерки / Д. Веденеев. – К. : К.И.С., 2008. – С.45–64
3. *Шаповал Ю. І.* ЧК-ГПУ-НКВД в Україні : особи, факти, документи / Ю. І. Шаповал, В. І. Пристайко, В. А. Золотарьов. – К. : Абрис, 1997. – С. 139–140.
4. *Золотарьов В. А.* Секретно-політичний відділ ДПУ УСРР : справи та люди / В. А. Золотарьов. – Х. : Фоліо, 2007. – 248 с.
5. *Архивы* Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925. – М. ; Новосибирск : РОССПЭН, Сибирский Хронограф, 1997. – Кн. 1. – С. 9.
6. *Центральный* государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ), ф. 1, оп. 20.
7. *Жилюк С.* «Нова церква». Обновленські ідеї і програми церковного реформування 20-х років ХХ ст. / С. Жилюк // Людина і світ. – 2004. – № 6. – С. 44–48.
8. *Анисимов В.* О «положительном заряде» предательства. К 80-летию собора УАПЦ [Электронный ресурс] / В. Анисимов. – Режим доступа: http://www.pip.kiev.ua/lib.php?book=lib/variable/text_0008.php&caption=%20#_
9. *ЦГАООУ*, ф. 1, оп. 16.
10. *Політичний* терор і тероризм в Україні. ХІХ–ХХ ст. Історичні нариси. – К. : Наук. думка, 2002. – С. 305.
11. *З архівів* ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – 2005. – № 1-2; 2006. – № 1-2.
12. *Преловська І.* Переслідування та ліквідація УАПЦ (УПЦ) (1921–1938) : огляд архівно-кримінальних справ ГДА СБУ та ЦДАГО України / І. Преловська // *З архівів* ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – 2009. – № 1. – С. 26–48.
13. *ГПУ* против УАПЦ. Методология уничтожения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.religion.in.ua/zmi/ukrainian_zmi/3493-gpu-protiv-uapc-metodologiya-unichtozheniya.html.
14. *З архівів* ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – 2007. – № 1. – С. 16–17.
15. *Розтальний В.* Митрополит-мученик / В. Розтальний // Голос України. – 1992. – 19 черв.
16. *Даниленко С. Т.* Униаты / С. Т. Даниленко. – М. : Политиздат, 1972. – 223 с.
17. *Зарічний В.* Лишитися чесним до кінця. Невідомі сторінки однієї чекістської біографії / В.Зарічний // Робітничая газета. – 1989. – 29 лип.